

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ, ИЛИ УЧЕНИЕ
О ВИДИМОСТИ (НОВЫЙ ОРГАНОН,
ИЛИ МЫСЛИ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ
И ОБОЗНАЧЕНИИ ИСТИННОГО
И ЕГО РАЗЛИЧЕНИИ
ОТ ЗАБЛУЖДЕНИЯ И ВИДИМОСТИ, 1764 г.)

Иоганн Генрих Ламберт

ПЕРВЫЙ ОСНОВНОЙ РАЗДЕЛ
О ВИДАХ ВИДИМОСТЕЙ

§ 1

Человеческое познание имеет своей особенностью то, что мы как будто вынуждены привязывать наши понятия к словам и знакам, посредством представления которых мы вновь достигаем понимания обозначенных этим способом понятий и образов вещей, в той мере в какой мы сумеем их воскресить в памяти. Но к особенностям человеческого познания относится также и тот способ, которым мы постепенно достигаем понятий и представлений, способ, вносящий при этом еще одну путаницу, которая во многих случаях и из-за многообразных причин осложняет для нас уверенность в правильности и совпадении понятий с самими вещами. Ибо мы должны не только лишь противопоставлять *истинное ложному*, но в нашем познании между этими двумя обнаруживается нечто среднее, что мы называем *видимостью* (Schein). Эта видимость способствует тому, что мы очень часто представляем себе вещи в другом облики, и облегчает нам принятие того, чем они [вещи] *кажутся*, в качестве того, что они *действительно суть*, или наоборот смешиваем второе с первым. Поэтому средства устранить данное заблуждение и пробиться через видимость к истинному для философа, пытающегося изучать исключительно истинное само по себе, являются тем более незаменимыми, чем более разнообразны источники, из которых проистекают ослепления видимостью. В соответствии с этим теория видимости и влияния оной на правильность и неправильность человеческого познания составляет ту часть онтологии (Grundwissenschaft)¹, которую мы называем феноменологией (Phänomenologie) и понятие которой мы будем разрабатывать в первом отделе.

§ 2

Понятие *видимости* как по слову, так и по своему первоисточнику берется от глаза или от зрения и постепенно распространяется на остальные чувства и на способность воображения, а посредством этого становится в то же время более всеобщим и отчасти более разнообразным. Вопреки этому теория видимости, в той мере, в какой требуется нечто завершенное, до сих пор почти целиком концентрировалась на *глазе*. Но в действительности даже глаз предоставляет более разнообразное содержание для видимости; его структура проще, а пути света известнее, и так наличествовала подручная возможность привести теорию *зрения* к правильным и дельным основаниям, обогатив тем самым математические науки. Помимо прочего, *оптика*, или *зрительное искусство*, была для астрономов, которые должны были заключать от кажущегося облика неба к истинному устройству мироздания, слишком незаменима, для того чтобы они издавна чурались поиска и применения более сложных теорем. В Новое время телескопы и увеличительные стекла дали новый материал для расширения оптических наук; тем самым, разумеется, не было недостатка в поводах направить на эту часть феноменологии прилежание и устремление, в то время как остальные ее части были весьма обделены вниманием.

§ 3

Нет необходимости приводить здесь многие примеры, которые указывают на разницу видимости и истинных свойств зримых вещей в той мере, в какой они являются предметами зрения. Ибо так каждый знает, что одинаковые вещи на большом расстоянии кажутся меньше, неотчетливее и бледнее; что они, если на них смотреть с другой стороны, выглядят по-другому; что их цвет меняется в зависимости от изменения падающего света; что мореплавателям берег кажется то удаляющимся, то приближающимся, и вообще движущимся; что круг, искаженно наблюдаемый, является продолговатым, и наоборот, продолговатый овал, наблюдаемый с определенной стороны, может казаться кругом и т.д. Из этих и бесчисленных других повседневно происходящих случаев каждый знает, что кажущийся (*scheinbar*) образ и обличье вещи должны быть отличными от ее истинного образа и что от первого нельзя было бы так просто заключать ко второму, поскольку имеются случаи, в которых совершенно различные вещи предстают нашим глазам в совершенно одинаковом обличии. Все это сейчас в оптике настолько развито и приведено к основопо-

ложениям, что в ней можно дать обстоятельное понятие о видимости зримых вещей. Конечно, знают, что всё, на что бросают свой взгляд, тотчас срисовывается на сетчатке глаза; что эта маленькая картина попадает в глаз точно такой же, каков и сам предмет, и что в отношении видимости предметов имеет силу то же, что может быть сказано об этой маленькой картине на сетчатке глаза, будь то фигура, величина, расстояние, положение, цвет, яркость, покой или движение. Поэтому в оптике принято основоположение, согласно которому вещи кажутся одинаковыми постольку, поскольку они одинаковым образом попадают в глаз. И это основоположение, распространенное на каждый орган чувств, будет звучать так: одинаковое восприятие возникает, если на органы чувств воздействует одинаковое впечатление.

§ 4

Оптики пошли в этом еще дальше, и в перспективе указали средство для того, чтобы изображать видимость зримой вещи, или по меньшей мере рисовать их кажущиеся фигуры геометрически столь четко, чтобы как сами предметы, так и рисунок, наблюдаемые с указанной точки зрения, вызывали на сетчатке глаза одинаковый образ, или попадали одинаковым способом в глаз. И так как видимость зачастую столь сильно может быть отлична от истинного или даже совершенно противопоставлена ему, они (оптики) особенно в астрономии приняли для видимости собственный язык и показали перевод из него в истинный язык, и наоборот. Это и составило в действительности разницу между сферической и теоретической астрономией. Мы отмечаем это здесь тем более, что если мы рассматриваем феноменологию как трансцендент(аль)ную (*transzendente*)² оптику, то мы мыслим также и трансцендент(аль)ную перспективу и язык видимости и, следовательно, сможем расширить эти понятия попутно с понятием видимости вплоть до их истинной всеобщности. И в той мере, в какой поэты *рисуют*, часть поэтического искусства также могла бы причисляться к этой трансцендент(аль)ной перспективе или изобразительному искусству.

§ 5

Если мы распространяем оптическое понятие видимости (§ 3) на все органы чувств, то оно вообще будет состоять в *впечатлениях*, которые воспринимаемые вещи (*Dinge*)³ вызывают в органах чувств. Это впечатление, в особенности применительно к глазу, называется *образом* вещи (*Sache*), и сознание, что мы воспринима-

ем этот образ, дает ясное понятие о кажимости (Schein) увиденной вещи. Относительно других органов чувств, насколько мне известно, мы не обладаем в языке таким словом, которое представляло бы вообще то, что представляет собой слово “образ” в отношении глаза. Возможно, было бы слишком грубо, если бы мы этим обозначали впечатление или ясное понятие, которое доставляет нам всякий орган чувств посредством восприятия их предметов, например, если бы мы хотели сказать “образ тепла”, “образ звука” и т.д. Вследствие этого подобное название выражало бы то, чем эти предметы по своему восприятию должны *казаться*.

§ 10

До сих пор мы указали те виды видимости вообще, которые имеют место быть в отношении *чувств*. Однако видимость распространяется вплоть до царства мысли (Gedankenreich), и особенно *сознание, память и способность воображения* предоставляют нам различные источники видимости, а *страсти* немало содействуют тому, чтобы увеличить замешательство, поскольку они направляют внимание на особые стороны, сдерживают или усиливают сознание, и скорее делают способность воображения недостатком для разума и рассудка, нежели это требовалось бы для точного и правильного познания и проверки истины.

§ 19

Высшие познавательные способности, разум и рассудок⁴, собственно, не должны давать нам никаких источников видимости, так как именно они проникают сквозь ослепление видимостью и так как на деле рассудком и разумом обладают лишь в той мере, в какой точно и правильно мыслят и заключают. Но поскольку все же оказываются в заблуждении и рассматривают неправильные понятия и заключения в качестве правильных, то в качестве основания подобных ошибок можно указать лишь на способность воображения и память, так как именно они наряду с аффектами искушают нас принимать за правильные те представления и выводы, которые не являются таковыми при более точной проверке.

§ 20

В соответствии с указанным выше мы будем располагать уже показанные источники и виды видимости относительно друг друга так, чтобы вообще определить их отношения и различия, а каждый вид, в какой мере это позволяет язык, попытаться отличить причитающимся ему именем от остальных. Внешние чувства до-

ставляют нам два вида, которые мы уже рассмотрели выше (§ 5–8). У обоих общим является то, что в чувствительных нервах совершается движение, которое представляет нам образ вещи в мысли. Напротив, различаются они тем, что это движение в первом случае вызвано действительно внешне наличествующей по отношению к нам вещью (Sache), а в другом случае никакие подобные вещи не действуют в ощущении, но чувствительные нервы приводятся в оживление посредством потоков, таких как при звоне в ухе, через усиленное движение жизненных сил, как в бреду и т.д. Этот последний вид видимости мы можем назвать *органической* или *патологической видимостью*, так как на самом деле при этом почти всегда присутствует большое или подобное ему состояние чувства и чувствительных нервов. И напротив, первый вид, когда вещь действительно наличествует и вызывает впечатление в чувствах, удобнее всего было бы назвать *физической видимостью*, поскольку впечатление в самом деле является физическим, и понятие, которое вызывает восприятие, представляет вещь не такой, какова она суть сама по себе, а только такой, какой мы ее ощущаем. Бывают случаи, когда обе эти видимости совпадают. Так, например, если соки в глазу желтые или мутные, то еще можно как-то видеть вещи, хотя и в других цветах и неотчетливо. Точно так же вызываемая желчью горечь во рту примешивается ко вкусу блюд, которые едят, а внутренняя температура тела примешивается к ощущению температуры во внешней среде. Также возможно, что если во время сна звонит колокол или же возникает иной звук, то ощущение одного включается в сновидение.

§ 21

Что идеалисты в отношении чувств и целого телесного мира представляют себе некий особый вид видимости, мы уже показали (§ 9) и назвали его *идеалистической видимостью*. Поскольку она не имеет ничего общего с любым другим видом видимости, но ее следует рассматривать саму по себе, мы обратимся к миру мыслей и постигнем вообще каждый образ способности воображения под именем *психологической видимости* в той мере, в какой она, собственно, еще не проверена и не рассмотрена в отношении выдвинутых выше требований (§ 16). Но в особенности они (образы) схватываются под именем *химер* или *небылиц*, если при этом в основание не положено ничего истинного и реального, так что соответственно этому в психологической видимости встречается разница, подобная той, которая имеет место между физической и патологической

в отношении внешних чувств, так как небылицы почти всегда являются результатами больной, слабой или необузданной способности воображения.

§ 22

Видимость, вызываемую страстями, мы можем в общем назвать *моральной видимостью*, потому что воля и аффекты являются предметом морали и понятия добра и зла всегда связаны с этим. Эта видимость смешивается с предшествующими видами таким образом, что страсти определяют точку зрения и те стороны вещи, которые мы представляем себе скорее, легче и оживленнее, нежели прочие, которыми мы более или менее пренебрегаем.

ШЕСТОЙ ОСНОВНОЙ РАЗДЕЛ О РИСУНКЕ ВИДИМОСТИ

§ 266

Феноменология вообще занимается тем, что определяет, что в каждом виде видимости реально и истинно, и к этому завершению она развивает особые причины и обстоятельства, которые порождают и изменяют видимость, для того чтобы было возможно из видимости заключить к реальному и истинному. Мы в первом отделе (§ 2 сл.) уже отметили, что оптики давно дали нам систематическое понятие *зримой* видимости и феноменология в ее наиболее общем объеме может быть названа трансцендент(аль)ной оптикой постольку, поскольку она вообще определяет из истинного видимость, и напротив, из видимости истинное. Оптика делает это в отношении глаза. Однако она идет еще дальше, и в перспективе указывает средство, предназначенное для живописания видимости зримых вещей (Dinge) или рисования их зримого образа так, чтобы рисунок точно так же попадал в глаз, как и сами предметы (Gegenstände), когда и то и другое рассматривается с одной выбранной для этого точки зрения. Мы уже взяли это понятие перспективы (§ 4) в более общем смысле и распространили его на всю феноменологию, а теперь мы более обстоятельно определим, чем является эта *трансцендент(аль)ная* перспектива, взятая в этом пространном объеме, для особых видов и частей, и с этим намерением мы будем постепенно создавать более всеобщее понятие оптической перспективы.

§ 270

В дальнейшем каждое подражание жестам и речи другого человека, а еще больше – каждое *притворство* мы можем принимать как отдельные части трансцендент(аль)ной перспективы, так как при притворствах показывается видимость совсем другого склада души, умысла, намерения, характера и т.д., нежели действительно имеющиеся в том человеке, который притворяется, причем эта видимость может состоять в жестах, словах или действиях или вообще одновременно во всех из них. Искусное и непринужденное подражание жестам относится к совершенствам театрального зрелища, а также причисляется к украшению оратора в качестве средства, которое должно оживлять речь. Напротив, вопрос о допустимости подражания принадлежит этике, и он будет справедливо отброшен, если оно будет использовано в ущерб другим.

§ 271

Царство мысли равным образом предлагает нам материал для существенной части трансцендент(аль)ной перспективы. Нередко случается так, что мы должны представлять себе вещи (Sachen) в соответствии с той точки зрения, с которой их наблюдают другие, т.е. происходит так, что мы ставим себя в мысли на их [других людей] место, или что мы по меньшей мере должны составлять себе понятие в зависимости от способа их представления. Последнее случается, если мы видим или по меньшей мере воображаем себе, что мы не разделяем с ними одного мнения, или если их способ не совпадает с нашим видом мышления. Первое мы осуществляем для того, чтобы обстоятельства, в которых находятся другие, представлять себе более оживленно и полно, чтобы сравнивать их с их же итогами и заключениями, а также чтобы дать служащие этой цели оценки. Выражения: *Я теперь уже вижу, как Кай представляет себе вещь; если бы я был на его месте, я бы...* и т.д. *Тот, кто знает Тита, не удивится тому, что...* и т.д., а также многие подобные, предоставляют случай узнать, где имеет место упомянутая здесь перспектива, и одновременно также, что она очень часто применяется, особенно там, где кто-нибудь желает вскрыть свое заблуждение и его исток, своевременно устранить его, дать ему оценку, или также желать судить о своем итоге по справедливости.

§ 283

Прозрение будущего также составляет часть трансцендент(аль)ной перспективы и является тем более значительным, поскольку основания побуждения для воли, если исключить чистые и благородные помыслы благодарности, исключительно

берутся из будущего. Что требуется для определения и предвидения будущих обстоятельств и изменений, мы уже показали в предыдущем основном разделе (§ 164). Перспективный прообраз будущего предполагает его достоверность, и в основном его используют, если желают уговорить себя или других к принятию решений, осуществление которых тянет за собой ряд последствий, которые имеют в себе нечто приятное, привлекательное, выгодное и т.д. Но всеобщее при этом, ориентирующееся не на единичные обстоятельства, а на саму жизнь вообще, состоит в каждом побудительном и в представлениях, посредством которых застрахован душевный покой (§ 146) и посредством которых доказывается, что удовлетворенность и сопровождающие ее покой и блаженство располагаются не во внешних обстоятельствах, но в душе. Материал, который так часто занимал поэтов и может занимать еще больше, к тому же если эта удовлетворенность не должна смешиваться со стоической невосприимчивостью и безразличием (§ 141, 278). Впрочем, смешанное с надеждой и тревогой предвидение будущего дает поэту в руки трогательные сцены в драматических пьесах, будь то в случае, когда читатель наперед знает исход, и ему картина нравится, следовательно, только из-за собственной красоты, будь то в случае, когда он сам пребывает в неведении исхода, интересуясь говорящим персонажем, равным образом разделяя с ним утешение и тревогу.

§ 285

До сих пор мы показывали особые части трансцендент(аль)ной перспективы. Из их сравнения во всяком случае проясняется, что они заметно различаются друг от друга, и каждая имеет очень расширенный объем. Они различаются преимущественно тем, что именно избирается для представления вещи (Sache) и что само в свою очередь состоит в картинах, моделях, образах, подражаниях, действиях, жестах, мыслях, словах, тонах и т.д., которые частично имеют с представленной вещью один и тот же, а частично – отличный вид. Но что мы при всем этом заранее предполагаем, так это то, что посредством этого может быть представлена только *видимость* вещи, ибо только в этой мере указанные части относятся к трансцендент(аль)ной перспективе. Однако при этом предположении мы не делаем никакого различия между пустой и реальной видимостью, потому что обе могут быть обозначены, подобно тому как не обращают внимания на это различие оптическая перспектива и живопись. И художник красочно рисует каждую игру способности воображения, видение, воображаемые картины и т.д. там, где этого требует намерение,

а поэт из такого же материала берет свои картины там, где он может их использовать.

Перевод с немецкого К.А. Волковой
под ред. А.Н. Круглова

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Понятие “Grundwissenschaft” (основная наука) обозначало в XVIII в. чаще всего онтологию. См., например: *Wolff Chr.* Des weyland Reichs-Freyherrn von Wolff übrige theils noch gefundene kleine Schriften. Halle, 1755, S. 630. ND: *Wolff Chr.* Gesammelte Werke / Hrsg. und Bearbeitet von J. Ecole u.a. Abt. I, Bd. 22. Hildesheim, 1983; *Baumgarten A.G.* Metaphysica. Halle, 1757. P. 24, § 4. ND: Kant’s Gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlichen Preußischen Akademie, der Wissenschaften. Bd. XVII. Berlin, 1926; *Eschenbach J.Chr.* Logic oder Denkungswissenschaft. Rostock, 1756. S. 34, § 22; *Reimarus H.S.* Vernunftlehre als eine Anweisung zum richtigen Gebrauche der Vernunft in der Erkenntniß der Wahrheit, aus zwoen ganz natürlichen Regeln der Einstimmung und des Widerspruchs hergeleitet. Hamburg, 1756. S. 10, § 10. München, 1979.
- ² Поскольку для Ламберта отсутствует отличие между трансцендентным и трансцендентальным, его немецкий вариант “transcendent” во избежание интерпретаций в смысле противоположного имманентному, выходящего за границы решено переводить как трансцендент(аль)ное.
- ³ О связи и некоторых различиях понятия вещи (Ding) с понятием дела, положения дел (Sache) и их корреляциях с латинскими терминами “res” и “ens” у Ламберта см.: *Hinske N.* Ding und Sache in Johann Heinrich Lamberts Neuem Organon // Res. III° Colloquio Internazionale. Roma, 7–9 gennaio 1980 // Atti a cura di Marta Fattori e Massimo Luigi Bianchi. Roma, 1982. P. 311.
- ⁴ Хотя Ламберт не всегда строго проводит различие между рассудком и разумом, в целом он находится в рамках логической традиции XVIII в., согласно которой рассудок есть (низшая) способность судить, а разум – (высшая) способность умозаключать.

УЧЕНИЕ О МОРАЛЬНОЙ ОБЯЗАННОСТИ РИЧАРДА ПРАЙСА

О.В. Артемьева

Ричард Прайс вошел в историю этики главным образом как последовательный интеллектуалист, теоретические усилия которого были сконцентрированы на построении и обосновании концепции моральной эпистемологии. Однако исследование вопросов морального познания для Прайса было способом осмысления своеобразия морали и ее осуществления в реальном опыте людей. В решении данной проблемы именно учение о моральной обязанности занимает центральное место: оно в существенных чертах определяет тот образ морали, который выстраивает Прайс. Анализу этого учения и посвящена данная статья. Но сначала несколько слов о личности Прайса.